

— Сегодня Рождество, хочешь выпить гоголь-моголь? — вежливо спросил Арно.

Лэндер молча посмотрел на него ошеломленным и отстраненным взглядом, как если бы перед его глазами был не только один человек, а окрашенные в яркие цвета прошлое и будущее. При взгляде на Арно, его сердце внезапно смягчилось, как если бы в оно еще находилось в его груди, настоящее, качающее кровь.

Лэндеру потребовалось много времени, чтобы прийти в себя и покачать головой.

— Как насчет виски? Кофе? Черного чая?

Лэндер по-прежнему отрицательно качал головой.

Взгляд молодого ученого был нежным. Арно было неловко, поэтому он опустил голову, чтобы не смотреть тому в глаза.

Лэндер оперся на стол и медленно поднялся, обнаружив стопку рваных листов из козьей шкуры и чернил. Он вынул ручку из кармана и аккуратно промокнул в чернила — очень хорошо, эта штука еще не сломалась окончательно.

«Это ручка, которую ты мне дал, помнишь?»

«Я не Мэрк», — решительно и любезно написал Лэндер на листе, что выглядело чрезвычайно приятным для глаз, — «меня зовут Эдвард Лэндер».

— Извиняюсь, — Арно отвел взгляд от письма. Выражение его лица оставалось неизменным и неподвижным, как будто он действительно не умел читать.

Лэндер уставился на надпись. В этот момент выражение его лица стало одиноким.

Он не обратил внимания на «неграмотное» оправдание Арно, ручка на секунду остановилась, а затем он продолжил писать: «Мне нравятся твои глаза, я переехал на эту площадь, потому что хотел видеть тебя каждый день. Ежедневно, видя тебя даже одним глазком, я чувствую, что могу спокойно и мирно прожить еще один день в этом мире».

Мужчина равнодушно смотрел на надпись, в его черных глазах не залегло ни единой тени. Вместо этого он заговорил:

— Твоя левая нога в порядке? Все еще болит?

Ответа не последовало, и, подобно многочисленным «любовным письмам», никогда не

видевшим солнечного света, которые написал Лэндер, оно навсегда осталось в его монологе.

Лэндер не осмеливался вспоминать эти красочные слова, но тем не менее продолжал высмеивать сам себя, ведь как дрессированная собака, каждый день в нужное время и в нужном месте он поднимался на балкон и украдкой заглядывал в тайну в своем сердце. О, вот бы потешились люди, узнав эту историю о мистере Лэндере, самом ужасном, холодном и уродливом человеке в мире. Его сердце, которое за многие годы превратилось в камень, молча поклялось не меняться и тосковать лишь по одному человеку.

Тринадцать лет назад бедная женщина и ее сын принесли Лэндера в свой дом. Они жили на небольшом чердаке, где, растянувшись на кровати, можно было видеть через окно Лондон, на который никогда не падал солнечный свет. Толстая дама, зарабатывающая на жизнь выпечкой хлеба вручную и вязанием некрасивой одеждой, и его черноволосый рыцарь, рано уходящий и поздно приходящий, сплели крошечных животных из скрученной травы. Они развешивали их на окна, чтобы он мог почувствовать себя лучше.

Эти фигурки явно были для детей, чтобы те играли с ними. В этом смысле Лэндер никогда не был ребенком. Он волочил травмированную ногу, каждый день опираясь на окно, просто чтобы дожидаться заката, когда другой подросток слезал с лошади и возвращался домой.

Они всегда использовали перьевую ручку для разговора с ним. Тогда Арно никогда не говорил ему холодно: «Я не умею читать».

Это продолжалось до тех пор, пока полгода спустя старые друзья Лэндеров не услышали новость, что сын семьи все еще жив, и попытались найти его всеми доступными средствами. Они должны были забрать его, в конце концов он был «сыном мистера Лэндера», он нес проклятую кровь и проклятые ожидания этой страны. Сострадательное начальство было готово вырвать перышко и позволить ему учиться, дать ему поесть, ожидая, пока он им щедро оплатит, как если бы он был умеющим откладывать золотые яйца цыпленком.

Лэндер знал, что мужчина узнал его, и просто не хотел этого признавать. Напряжение самого холодного ученого страны постепенно рассеялось, он держал перьевую ручку с протекающими чернилами, сидя в темной части комнаты и чувствуя, как мелкий поток крови в его сердце, который всегда сохранялся благодаря этому человеку, окончательно иссох. Слабый жар растворился в воздухе, но тупая боль все же пустила корни.

«Когда человек теряет свои надежды и мечты, даже если у него есть сила разрушить мир, он часто будет чувствовать, что его руки пусты, он не сможет чувствовать себя счастливым, несмотря ни на что», — быстро написал Лэндер, — «однажды, я сделал себе инъекцию морфия...»

Он остановил ручку, надолго склонил голову, как будто ему было стыдно за свою нечистоту, но выражение лица Арно осталось прежним. Всегда одно выражение безразличия. Сердце Лэндера начало медленно охлаждаться, как при падении в канаву с замерзшей грязной водой, окружение было таким темным, что он не мог видеть собственные пальцы, осталось только

слово — «холодно».

Арно все равно.

Лэндер опустил длинные ресницы. Перьевая ручка снова начала проливать чернила, оставляя пятна на козьей шкуре и даже на его пальцах: «Наркотик дал мне временное спокойствие и ложное счастье. Потом меня ждала бесконечная пустота и страдания, все, на что я мог рассчитывать, было только...»

Он боялся, что превратился в настоящего сумасшедшего. Он боялся, что, когда попадет на солнечный свет, он уже ослепнет.

Почему это был Арно? Иногда Лэндеру приходилось спрашивать себя, почему это был только этот человек... которого он встретил в молодости?

Если подумать, этот человек, казалось, был единственной точкой опоры, которая тянула его вверх, когда его жизнь была на грани краха. Ему приходилось полагаться на эту маленькую надежду, чтобы преодолеть все долгие, глубоко погруженные в безумство, годы.

Всем нужна точка опоры, и жизнь людей, которых встретил Лэндер, была недолгой. Кроме Арно, казалось, не было никого достойного называться его опорой.

Лэндер подумал, как было бы хорошо, если бы он действительно был хладнокровным сумасшедшим. Тогда он мог бы черпать энергию из страданий других, не нуждаясь в какой-либо глупой опоре.

Лэндер остановил ручку, его темно-синие глаза долго смотрели на Арно. Арно небрежно взглянул на него и без колебаний заблокировал невидимым барьером этот обмен тайными сигналами.

Арно отвел взгляд, схватил тремя пальцами полстакана дешевого вина, сделал глоток и окончательно допил. Невозможно было сказать, был ли он счастлив или несчастен. Он нахмурился, и черты его лица стали еще глубже.

Он стоял перед печкой старого ветхого бара. Он вытащил из-под кровати аптечку и закатал рукава:

— Дай я осмотрю твою ногу.

Было больно, но не опасно для жизни. Для Лэндера все раны не были смертельными, в этом заключался его секрет.

Внутри его тела находилась самая продвинутая в мире интеллектуальная разностная машина, в которой было всего две программные микросхемы. Это бесценное изобретение с высочайшей точностью выполняла свою работу при ее запуске. Например, если одна из них взорвется, то это, конечно, приведет к смерти хозяина, но радиус взрыва может превысить более десяти метров за долю секунды. Другая же программа работает таким образом, что стоит только послать сигнал, как тут же все танки разностной машины в этом мире, независимо от того, были ли они в форме транспортного средства, в форме животного или любой другой формы, они будут рассматривать всех существ перед ними как врага и атаковать.

Все верно, Лэндер был словно бешеный пес. Стоит ему умереть без причины, как вся Великобритания погрузится в пучину хаоса настолько, что даже цыплятам не будет покоя.

Все люди из партии «AS» знали этот секрет, поэтому Лэндер понимал насколько им трудно приблизиться к нему.

У Арно от природы были руки хирурга, которые, по-видимому, обладали обезболивающей способностью. Лэндер неподвижно сидел. Если бы не холодный пот, скатывающийся по его лбу, он действительно выглядел бы как утративший чувство боли человек из дерева.

«Я хочу быть рядом с тобой», — молча пробормотал молодой ученый эту фразу в своем сердце уже в тысячный раз, каждая подобная мысль будто бы пыталась вытянуть его сердце из грудной клетки. Бог забрал его голос, поэтому свои чувства он мог выразить только в безмолвном молчании.

«Я хочу обнять тебя».

«Я хочу, чтобы ты взглянул на меня хотя бы еще пару раз».

Когда чья-то надежда возлагалась на человека вместо конкретной задачи или цели, он становился уязвимым и трусливым; когда он тосковал по чужому взгляду, это было все равно, что широко раскрыть грудь, обнажив слабое сердце, и каждый в этом мире мог подойти и ударить его.

Эта любовь была болезненной, как вонзенный острый шип.

Лэндер посмотрел на Арно, затем, внезапно наклонившись и схватив ручку, написал: «Если бы мне дали еще один шанс, я бы пошел за морфием и забыл тебя».

— Что ты опять написал, приятель-поэт?

Арно опустился на одно колено. Благодаря полстакану дрянного алкоголя, он прибегнул к своему великолепному актерскому мастерству, задавая бессмысленные вопросы, при этом зная ответы. Арно приподнял уголки рта, показывая слегка насмешливую улыбку. Он использовал

пинцет, чтобы схватить пулю в ноге Лэндера, бросил ее на землю, а затем продезинфицировал вокруг самой раны.

Нога болела так сильно, что Лэндер не смог сдержать дрожь.

— Подожди немного, это просто... м-м-м... — Арно застали врасплох, так как ученый внезапно прыгнул со своего деревянного стула и прильнул к его телу. Мужчина пошатнулся и упал на спину, не в силах дать отпор, и был прижат к земле раненым безумцем, — Эй, ты...

Лэндер с нежностью, словно опавшим пером, прижал два пальца к его губам. Арно внезапно потерял голос и в мгновение ока, казалось, погрузился в эти темно-синие глаза.

Лэндеру казалось, что он совершил паломничество, когда коснулся теми самыми кончиками пальцев собственных губ. Казалось, на них все еще оставались отголоски запаха, что завораживали его разум и создавали сон, от которого он никогда не хотел просыпаться.

В то время как Арно все еще был в недоумении, Лэндер взял его руку и стал выводить на ней слово за словом: «Как поживает миссис Уолсон?».

Выражение лица Арно наконец изменилось.

Настал полдень, и часы зазвенели, окончательно разрушив иллюзию.

— Она мертва, — спустя долгое время произнес Арно.

Равнодушие, граничащей с холодностью, на его лице больше не осталось; радужки были черными, как бездонная бездна.

— Она умерла в результате механической аварии, — добавил Арно, — Она не ожидала, что ты станешь молодым хозяином, и люди будут приходить, чтобы позаботиться о тебе. Боялась, что условия в доме плохие, и что тебе будет там плохо. Она хотела найти подходящую для женщин работу. Сделав одно неверное движение, половина ее тела оказалась под машиной в тот же вечер, когда тебя забрали.

Лэндер испугался, свет в его глазах внезапно потемнел. Он отчаянно избегал чужого взгляда, как будто глаза напротив, наполненные спокойной ненавистью, могли испепелить его душу.

— Только одна ошибка, одна неправильная деталь карается смертью? В глазах вас, ученых, жизни всех нас, обычных людей, бесполезны, не так ли? Мы не умны, мы мало изучили, поэтому мы заслуживаем того, чтобы быть выброшенными, верно?

Арно оттолкнул его, и ученый тут же упал назад. Лэндер стиснул пальцы на земле.

— Не надо анализировать, ты же знаешь, что я за человек, — процедил Арно.

Да, самая большая в стране антинаучная партия «AS» не была похожа на глупую организацию, следующую за обществом. Они были крупной партией, обладая большим количеством информации и имея крупных шишек в членах и более высокие идеалы, чем все остальные. Они знали секрет имплантации разностной машины в тело Лэндера. В такой ситуации, ради так называемых «невиновных» людей, конечно, они должны зажать носы, чтобы защитить жизнь Лэндера.

Даже если бы они были теми, кто больше всего надеялся, что Эдвард Лэндер исчезнет из этого мира.

Арно надолго замер, глядя в глаза Лэндеру. В тот момент, не зная, иллюзия это ученого или нет, но его голос был почти нежным:

— Эдвард Лэндер, скажи мне, почему? — спросил Арно, — Вы настолько умны, что мы, смертные, даже представить себе не можем, но вы использовали свой интеллект, чтобы заразить этот мир миазмами. Не могли бы вы сказать мне свою причину для этого?

Лэндер был ошеломлен и уставился в желанные темные глаза. Он почувствовал, будто какая-то рука крепко сжимает его сердце, окутывая его болью от нежелания жить.

Он не мог ответить на этот вопрос. Никто не мог.

Лэндер хотел сказать: «Когда старая и новая эпохи — например, материки, плывущие по поверхности моря — сталкиваются, так много людей умирают, прежде чем свет просияет снова, и только тогда они смогут лицезреть настоящую новую эпоху».

Но он не мог этого сказать, это означало бы предать ненависть, на которую он так долго полагался, чтобы выжить.

Семья Лэндеров заполнила пробелы времени, ровно как и миссис Уолсон... было ли все это просто ледяной, объективной правдой?

Он, Арно, миссис Уолсон, вместе с... этими болезненными чувствами, еще не родившимся, но уже умершими, возможно, в каком-то смысле они родились не в ту эпоху?

<http://tl.rulate.ru/book/56433/1439405>